

Следовательно, обеспечение правопорядка в процессе либерализации трансграничного передвижения лиц достигается в рамках сотрудничества органов внутренних дел (ОВД) различных государств, а также посредством применения института экстрадиции. Этот институт международного права выходит за пределы государственных отношений. В соответствии с международным правом необходимо устанавливать процедуры задержания и передачи лиц, совершивших преступления и скрывающихся на территории других стран, чтобы они были судимы и наказаны. Такие процедуры устанавливаются международными конвенциями, различными региональными соглашениями и межгосударственными договорами о сотрудничестве в данной сфере.

Следовательно, современное развитие международных отношений, развитие информационного общества ведет к либерализации трансграничных отношений. В результате безвизовый режим устанавливается не только двухсторонними договорами государств о безвизовом режиме, но и внутри интеграционных сообществ, которые занимают все более активную позицию в международных отношениях и оказывают существенное влияние на формирование новой конфигурации геополитического пространства.

Все эти положительные изменения имеют и обратную сторону. Речь идет о развитии трансграничной преступности, борьба с которой является важнейшим аспектом сотрудничества ОВД различных государств и специализированных международных институций, например, Интерпола, Европола, Европейской прокуратуры и т. д.

До недавнего времени важнейшим механизмом, позволяющим привлечь к ответственности лиц, совершивших преступление на территории какого-либо государства и находящихся вне пределов его юрисдикции, был институт экстрадиции, который и сегодня занимает важное место в борьбе с международной преступностью.

Тем не менее первостепенное значение имеют конституционные нормы государств, касающиеся выдачи их граждан, совершивших преступления на территории других государств. В настоящее время ряд государств не выдают своих граждан по запросам иностранных государств.

Если говорить об интеграционных объединениях, то наиболее эффективным в плане борьбы с трансграничной преступностью является законодательство Европейского Союза, где в развитии и совершенствовании законодательства об экстрадиции можно выделить три этапа: Принятие Европейской конвенции о выдаче 1957 г., которая была ратифицирована государствами-членами ЕС; Конвенция о применении Шенгенского соглашения о постепенном снятии пограничного контроля 1985 г.; Рамочное соглашение «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами», которое было подписано в июне 2002 г.

Согласно Рамочному соглашению европейский ордер на арест представляет собой выданное одним из государств-членов Европейского Союза судебное решение в отношении разыскиваемого лица, которое должно быть исполнено на территории другого государства-члена (по месту нахождения лица, в отношении которого вынесен европейский ордер на арест). Указанное Рамочное соглашение о европейском ордере на арест содержит список деяний, за совершение которых может быть вынесен ордер. Суть правового механизма этого института состоит в том, что он не нарушает национальное законодательство государств – членов Европейского Союза, а содержит гибкий правовой механизм, позволяющий соблюсти и европейские нормы, и одновременно национальное законодательство государства-члена. Заключается этот механизм в том, что деяния, перечисленных в перечне, прилагаемом к рамочному соглашению о европейском ордере на арест, а также санкция определяются по национальным уголовно-процессуальным нормам государств-членов. И поэтому за одно и то же деяние в одном государстве-члене может быть вынесен европейский ордер на арест, а в другом – нет. Дело в том, что европейский ордер на арест выносится только в том случае, если за деяние, указанное в рамочном европейском соглашении, по национальному законодательству предусмотрена санкция, связанная с лишением свободы на срок не менее двенадцати месяцев.

Однако орган, призванный исполнять решение о европейском ордере на арест в отношении того или иного лица, может в ряде случаев отказать в его исполнении:

если в исполняющем ордере государстве данное преступление попадает под действие амнистии;

если будет выяснено, что в отношении лица, в отношении которого вынесен европейский ордер на арест, в одном из государств-членов Европейского Союза уже был вынесен приговор за то же деяние (при условии отбытия наказания). В данном случае действует принцип, согласно которому никто не может быть дважды осужден за одно и то же деяние;

если в соответствии с законодательством того или иного государства-члена лицо, совершившее деяние, подпадающее под европейский ордер на арест, не достигло возраста уголовной ответственности или, напротив, достигало верхнего возрастного предела.

Таким образом, институт европейского ордера на арест, созданный в Европейском Союзе, позволяет наиболее эффективно осуществлять сотрудничество ОВД государств-членов. Такая эффективность основана на том гибком правовом механизме, который позволяет установить общеевропейский список деяний, за которые выносится европейский ордер на арест, не нарушая национальные нормы государств-членов.

УДК 343.3

Н.А. Осипова

О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В Республике Беларусь систему мер уголовно-правового противодействия нарушениям установленного порядка миграции населения составляют нормы трех статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК): ст. 371 (незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь), ст. 371¹ (организация незаконной миграции), ст. 371² (нарушение срока

запрета въезда в Республику Беларусь), однако указанные нормы не лишены определенных противоречий и недостатков.

Так, например, в настоящее время возникает коллизия норм, предусмотренных ч. 3 ст. 371 УК (совершение умышленного незаконного пересечения Государственной границы организованной группой) и ч. 2 ст. 371¹ УК (организация незаконной миграции совершенная группой лиц по предварительному сговору). Указанные нормы описывают одно и то же деяние, оба преступления являются тяжкими, их санкции идентичны.

При этом в ч. 1 ст. 371 УК относительно организации незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь при наличии признаков административной преюдиции либо нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь, в соответствии со ст. 371² УК, порождается конкуренция с нормой, предусмотренной ст. 371¹ УК, по незаконному въезду в Республику Беларусь либо пребыванию на ее территории. В таких случаях деяния организатора незаконной миграции не образуют соучастия ни в незаконном пересечении государственной границы, ни в нарушении правил пребывания и транзитного проезда через территорию Республики Беларусь, так как состав преступления уже охватывает все указанные случаи и дополнительной квалификации не требуется.

Возникают вопросы и при квалификации деяний организатора незаконной миграции. Единичные факты предоставления незаконным мигрантам жилого или иного помещения для проживания, транспортных средств по корыстным или иным соображениям, если такого рода деяния не являлись системными или составляющими комплексной деятельности по осуществлению незаконной миграции и не могут рассматриваться ни как выполнение объективной стороны рассматриваемого преступления, ни как пособничество в этом. В таких случаях деяния указанных лиц являются административными правонарушениями и влекут за собой ответственность, предусмотренную ч. 6 ст. 24.35 КоАП (нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и законодательства о внешней трудовой миграции).

При оценке ст. 371¹ УК в части организации незаконного въезда в Республику Беларусь или выезда из нее и ст. 24.18 КоАП (незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь) и ввиду того, что КоАП об административных правонарушениях не содержит институт соучастия, то ответственность, предусмотренная ст. 24.18 КоАП, наступает только в тех случаях, когда отсутствуют признаки организации незаконного пересечения Государственной границы. За повторное совершение в течение года после наложения административного взыскания за такое же правонарушение предусмотрена ответственность по ч. 1 ст. 371 УК.

Предполагается, что в таких ситуациях для квалификации необходимо руководствоваться положениями уголовно-правовой науки об отличиях преступления от правонарушения и тем, что подобные деяния могут быть квалифицированы по ст. 371¹ УК лишь в случае, когда они носят системный организационный характер. В противном случае степень общественной опасности содеянного будет соответствовать только административному правонарушению и оцениваться в рамках административного законодательства.

Сегодня в законодательстве Республики Беларусь также не предусматриваются основания для освобождения от ответственности лиц, способствовавших незаконному въезду мигрантов в случаях, когда такое деяние было обусловлено целью оказания гуманитарной помощи, что, в свою очередь, не отвечает основным направлениям развития международного права в сфере защиты прав человека.

При квалификации преступлений в сфере незаконной миграции на практике также возникают определенные затруднения, связанные с пониманием терминов «организация либо руководство или содействие» деятельности, связанной с организацией незаконной миграции в контексте ст. 371¹ УК. Здесь возникает вопрос о разграничении деяний, образующих объективную сторону рассматриваемого преступления, с такими видами соучастия, как организация (руководство) совершения преступления, пособничество в его совершении. В случае с организацией деятельности по незаконному въезду, выезду, пребыванию, транзиту иностранцев речь идет не только о преступной деятельности, связанной с объединением соучастников, подготовкой, планированием указанной деятельности, но и непосредственным исполнением ряда действий по осуществлению незаконной миграции. Определенную проблему создает и то, что действующая редакция ст. 371¹ УК не охватывает деяний по организации незаконного перемещения иностранцев по территории Республики Беларусь.

При квалификации организации незаконной миграции могут возникнуть вопросы в связи с отсутствием четкого указания на правовой статус иностранцев в уголовно-правовой норме, который в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», который подразделяется на три категории: временно пребывающие в Республике Беларусь иностранцы, временно проживающие в Республике Беларусь иностранцы и постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы. В отдельную категорию выделяют лиц без гражданства, не являющихся гражданами Республики Беларусь и не имеющих доказательств своей принадлежности к гражданству другого государства. Таким образом, организация незаконной миграции указанной выше категории лиц в качестве уголовно наказуемого деяния не предусматривается, так как не образует объективную сторону рассматриваемого преступления.

Определенную сложность при квалификации создает и то, что в ч. 1 ст. 371¹ УК об иностранных гражданах и лицах без гражданства говорится во множественном числе. Возникает вопрос: содержит ли состав преступления деяния по организации незаконной миграции одного иностранца? По смыслу закона предполагается, что для юридической оценки деяния как соответствующего преступлению необходимо установление системного осуществления действий по организации незаконной миграции.

Проблемным является также вопрос об определении момента юридического окончания организации незаконной миграции. С учетом того, что по конструкции объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 371¹ УК, является формальным, то следует полагать, что оно будет окончательным с момента, когда виновный выполнил хотя бы одно из деяний, образующих объективную сторону ст. 371¹ УК. Однако и тут возникает вопрос с определением момента юридического окончания организации незаконного пересечения Государственной границы, когда факт ее пересечения по каким-то причинам

не состоялся, то преступление будет оконченным, когда лицо создало все необходимые условия для осуществления незаконного перемещения иностранцев независимо от того, удалось ли последнему реально осуществить незаконный въезд на территорию страны или выезд из нее.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о необходимости совершенствования уголовно-правовых средств противодействия незаконной миграции по указанным выше направлениям. Толкование нормы, предусмотренной ст. 371¹ УК, показывает, что организацию незаконной миграции необходимо понимать, как совокупность действий, направленных на осуществление незаконного пересечения государственной границы либо незаконного пребывания на территории страны третьих лиц (иностранных граждан и лиц без гражданства).

УДК 343.2

Е.А. Реутская

О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Понятие преступления – одно из базовых понятий в уголовном праве – закреплено в ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). Учение о преступлении и его признаках является основой, на которой строится вся Общая часть УК. При этом в рамках Особенной части определяется исчерпывающий перечень деяний, признаваемых преступлениями. Основанием для криминализации общественно опасного поведения являются признаки преступления, определяющие содержание конкретных составов преступлений и основания уголовной ответственности виновных, пределы государственного воздействия на поведение граждан. Более того, понятие преступления формирует основу для определения целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления выступают основанием для выбора определенного вида наказания, назначаемого судом за совершение конкретного преступления. Соответственно, понятие и признаки преступления представляют научный интерес для изучения в сфере уголовного права.

Подходы к определению преступления напрямую зависят от формы государственного устройства и уровня развития общественных отношений. В науке уголовного права сформировались три основные концепции определения преступления: формальная, материальная и формально-материальная. Формальное определение преступления предполагает, что противоправность является основным признаком преступления исходя из классического принципа уголовного права «нет преступления без указания на то в законе». Материальное определение заключается в том, что общественная опасность деяния указана в определении преступления в качестве обязательного признака, а противоправность отсутствует. Третья концепция, характерная для уголовного закона Республики Беларусь и ряда стран – участниц СНГ, закрепляет в определении преступления как общественную опасность, так и противоправность в качестве основных признаков преступления. Зарубежное уголовное законодательство чаще закрепляет формальное определение преступления, понимая под ним деяние, запрещенное уголовным законом соответствующего государства.

Анализ памятников уголовного права на предмет изучения эволюции понятия преступления свидетельствует о том, что первоначально потерпевший сам определял виновность лица и противоправность его деяния с точки зрения нарушения своих интересов и меры наказания. Однако с появлением писаного права определение противоправности совершенного деяния и меры наказания стало прерогативой феодального государства. Ввиду того, что техника построения уголовного законодательства заключалась в подробном описании признаков состава преступления, нормы носили казуистический характер, категориально-понятийный аппарат не был сформирован. Под преступлением в разное время понимались головщина, обида, лихое дело, шкода, гвалт, а само определение отсутствовало. Так, в Русской Правде, которая содержит нормы уголовного и гражданского права и процесса, под преступлением понимается обида или причинение вреда индивиду. Псковская судная грамота 1467 г. под преступлением впервые понимает не только вред, причиненный индивиду, как в Русской Правде, но и вред, причиненный государству. Судебник 1497 г. и Соборное уложение 1649 г. использовали термин «лихое дело». Анализ норм указанных источников права позволяет сделать вывод о том, что под преступлением понимались любые действия, которые угрожали государству, конкретным потерпевшим или нарушали установленные в обществе обычаи.

Термин «преступление» впервые был определен в Артикуле воинском 1715 г. Так, в разделе «Присяга или обещание всякого воинского чина людям» преступление определялось с точки зрения формальной концепции как «вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, также его государства, людей или интересу государственного деяние». Дальнейшее развитие понятие преступления нашло в Разделе I Главы 1 п. 4 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где закреплялось, что «преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано». Уголовное уложение 1903 г. закрепляет преступление как деяние, «воспрещенное во время его совершения законом под страхом наказания».

Анализ законодательства рассматриваемого периода позволяет сделать вывод о том, что для него характерна формальная концепция определения преступления. Однако советское уголовное законодательство при попытке определения преступления пошло по пути включения в него и признака общественной опасности. Так, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. в Разделе III «О преступлении и наказании» определили преступление как нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом. Преступление уже понимается как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, которое вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия. Сходная позиция сохранилась и в УК РСФСР 1922 г., который с 1924 г. стал официально Уголовным кодексом Белорусской ССР (п. 6). Согласно ст. 7 УК БССР 1960 г. под преступлением признается «предусмотренное